

Так уж сложилось, что нынешняя подборка писем читателей посвящена вопросам русской культуры и, в более широком смысле, — русского самосознания, которое подвергается в наше время большим угрозам, большим испытаниям. Читателей волнуют публикации нашего журнала, в первую очередь, их интересует творчество Станислава Юрьевича Куняева, нашего главного редактора, бесменно возглавляющего журнал вот уже четверть века. Эти последние четверть века, протекшие на наших глазах, были особенно тяжелы для русской культуры, для русской духовности. Но она выжила, она существует, и тем более приятно осознавать, что журнал “Наш современник” внёс свой весомый вклад в дело сохранения и развития русского слова, русского духа, русского достоинства. Подтверждение тому — мнение наших читателей.

РУССКОЕ СЛОВО И РУССКОЕ ДЕЛО

КАК СЕРДЦЕ ПИСАТЕЛЯ...

Дорогая редакция, дорогой Станислав Юрьевич!

Уже много лет я выписываю и читаю Ваш журнал, чуть ли не со школы, — а мне скоро 65 — и скажу, что без него, как без ребёнка, жить можно, а смысла жизни нет. По Вашему журналу я сверяла свои поступки. Журнал Ваш, Станислав Юрьевич, — звёздочка путеводная, думаю, для очень многих. Авторитет Ваш и доверие к Вам — безмерное. Мне даже трудно что-либо всем вам пожелать, мне кажется, у редакции Вашей всё есть: честь, совесть, ум, любимая работа, читатели, которые никогда вас не предадут. Я не могу всё высказать, но я готова молиться за всех вас в храме. Всей редакции, общественному совету, авторам и вашим читателям — МНОГАЯ ЛЕТА! Двери моего дома, как и моего сердца, для всех вас всегда открыты.

Спасибо за рубрику “Память”! Когда увидела слова, адресованные Нине Ивановне Суворовой — моей сестре, — встретила их как совершившиеся чудо... Нина любила положить голову ко мне на колени, и чтобы ей перебирали волосы. Вот незадолго до прихода Вашего журнала мне приснился именно такой сон: её голова на моих коленях. А вскоре и журнал пришёл. Ваши добрые слова из писем В. П. Астафьева о Нине я приняла как одну из знаменательных вех. Спасибо и низкий поклон! Как бы радовалась сама Нина! Она умела друзьям радоваться... Станислав Юрьевич, спасибо, что Вы есть!

У меня дома висит старинная сабля, вся в зазубринах, в середине расколота, видно, побывала не в одном бою. Нина всегда говорила, что она — как сердце В. Г. Распутина, которое истекает кровью, выступает ли он или пишет. Надо бы ему эту саблю передать!

Тамара Михайлова
г. Москва

“СЕЙЧАС ИДЁТ ВОЗРОЖДЕНИЕ...”

Здравствуйте, многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Молчание — золото для планктона. Смысл русских пословиц многомерен. Русское Слово воплощается в русское Дело. Читаю журнал “Наш современник”, прочитала несколько Ваших книг, Вадима Кожинова, Василия Белова. Хочу ус-

петь выразить благодарность за самоотверженный, титанический труд наших русских душой писателей, поэтов-деревенщиков, которые работали ради нравственного оздоровления страны, возврата к духовным истокам русского народа, торжества Русской Правды, ради спасения России!

Не случайно Русская литература всегда была одной из ветвей власти над душами и умами людей. Христосознание – её нравственная основа, принятая с Православием, но и заложенная в геноме русского народа, являющегося главным генетически-духовным наследником Гипербореи, Византии, Великодержавы, СССР. Духовным Хранителем русской национальной традиции является Святая Русь. “Наш современник” – это тоже Святая Русь, это духовный Центр России, и соратник его – Православная Церковь, как и единый народ России. Александр Проханов сказал: “Наш современник” – это алтарь, на который я буду молиться до конца своих дней”. Лучше и не выразить мысли и чувства Ваших читателей. Хочу успеть сказать спасибо Вам, Станислав Юрьевич, за то, что Вы – Хранитель этого Центра культуры и духовности! Открытие “Нашего современника” – Марина Струкова, которая затмит многих больших поэтов Серебряного века, достойных Вашей критики.

Врагам России не удастся погасить русское самосознание, заглушить “колокол на башне веховой” русской литературы в недостижимом для них духовном измерении. А души тех, кто ненавидит русский народ, они – из низшего, плотского мира, не знающего Света. Просвещение Русской Правдой медленно, но верно ведёт к Победе духовности над тёмными силами, к Победе России.

Мы знаем о борьбе с тиранией Запада ещё со времен Гипербореи. Россия сама в себе, в своих истоках, в своей истории черпает силы для борьбы с Западом в последние века. Это Россия, а потом СССР защищала малые народы от истребления их Западом. России нужны соратники, как они нужны были древней прародине евразийских народов с центром на территории Южного Урала, в Аркаиме.

Не удивительно, что сейчас идёт Возрождение. Об этом молчат, но создаются Евразийский Союз, Таможенный Союз... Об этом и пишу, может быть, что-то пригодится, ведь мы не планктон, и молчание для нас – не золото.

Тамара Нечаева

г. Усть-Каменогорск, Казахстан

ЛЮБОВЬ – ГЛАВНОЕ В ПОЭЗИИ И В ЖИЗНИ

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Вы, наверное, получили множество отзывов от читателей на Вашу книгу “Любовь, исполненная зла”. Мой, вероятно, самый запоздалый. Но он в то же время, возможно, самый продуманный и прочувствованный. С того момента, как я получила эту книгу от Вас в подарок (за что ещё раз низкий Вам поклон и сердечная моя благодарность), я, можно сказать, не выпускаю её из рук.

Вы побудили меня совершить “глубокое погружение” в жизнь и творчество Анны Андреевны Ахматовой, и у меня сложился цикл стихотворений, ей посвящённый. Ваша книга помогла мне, как мне кажется, правильно расставить акценты, глубже понять и время, которое пришлось на долю Анны Андреевны, и её как женщину и поэта.

Талант нельзя отменить или запретить. И не надо. Напротив, надо к нему бережно относиться как к нашему несомненному достоянию. Но совершенно необходимо в нём, в его природе разобраться. И потому Ваше исследование я нахожу очень важным и своевременным, исключительно актуальным. Ведь сегодня очень остро стоит проблема нравственного чувства в поэзии, литературе в целом, наконец, в искусстве. Тенденция сейчас такова, что оказываются напрочь забыты принципы, на которых зиждется великая русская классическая литература. О чём бы ни писали наши великие предшественники, сквозь их творения непременно брезжит свет идеала. А сегодня выдаётся и превозносится то, что заслуживает быть квалифицированным как антипоэзия, антилитература, антиискусство. Это псевдоискусство стало, кажется, апологией безнравственности. Вот почему невозможно переоценить значение Вашей книги.

Вы взяли на себя неблагодарный и опасный труд: по сути, произвели вскрытие памятников Серебряного века, не убоявшись демонов, дремлющих под мра-

морными плитами. Их не устранить из нашего сознания так легко, как, скажем, костоправ вправляет вывих. Но знать о них современникам и потомкам необходимо, чтобы чётко разграничить, что в “детях страшных дней России” от Бога, а что — от дьявола. Изгонять же задним числом из них бесов — дело совершенно неэффективное. Можно только понять их.

О женской лирической поэзии уже давно пора серьёзно задуматься.

Русская литература всегда являлась нам как бы “о двух головах”, всегда на поэтическом небосклоне одной взошедшей звезде с диаметрально противоположной стороны отзывалась другая (к примеру, Юрий Кузнецов — Николай Рубцов), а вместе они дополняли друг друга, давали объёмную картину мира, показывали неисчерпаемые возможности стилистически разноплановой поэзии. С женской лирикой дело обстоит иначе, здесь нарушаются законы диалектики. Две звезды — Ахматова и Цветаева — стоят рядом и, к сожалению, однонаправлены при всей своей разнохарактерности. Между тем, в современной женской лирике, как мне представляется, если и встретишь сколько-нибудь значительное дарование, непременно это окажется или “ахматовка”, или “цветаевка” — третьего как бы и не дано. Пора бы уж каким-то образом переориентировать женскую лирику, направив её в сторону поиска того, о чём Вы пишете, — показать любовь не как страсть, игру или забаву, но как **всеобъемлющую стихию**, главную духовную субстанцию жизни. Для этого мало, конечно, одного намерения, естественно, нужен талант, равноценный ахматовскому. И не её внешняя величественность, но необходимо подлинное величие души.

Почему так долго не является нам такой талант? Возможно, он существует где-то, но остаётся неизвестным. По всей вероятности, мы не узнали бы и Николая Рубцова, если бы Вы его своевременно не заметили, не вывели к читателю его музу.

По моим наблюдениям, “Наш современник” отдаёт предпочтение гражданской патриотической тематике более, чем женской любовной лирике.

Всё это я говорю так подробно потому, что хочу объяснить Вам, насколько важным я считаю обращение к творчеству Анны Ахматовой.

По случаю её 125-летия Ставропольская краевая научная библиотека предложила мне написать статью о её жизни и творчестве для журнала “Хронограф”. Задача не из лёгких: нелегко сказать своё слово о том, кому посвящены уже целые тома. Но я, кажется, справилась с ней, в чём, опять-таки, помогла мне Ваша книга (ссылка на неё в этой работе не случайна).

Мне дорог и мой “ахматовский” цикл стихотворений, вызванный к жизни Вашей книгой.

Не буду более отвлекать Вас от Ваших дел. Восхищаюсь Вашей работоспособностью и смелостью суждений и желаю Вам так же неутомимо и плодотворно работать долгие годы на радость читателям, которые, поверьте, неравнодушны к Вашему слову. Доброго здоровья Вам и Вашим близким, Вашим собратям по журналу, благополучия и всего самого радостного. Новых Вам творческих удач!

Ещё раз огромное спасибо за Вашу книгу.

Ваша читательница и почитательница

Елена Львовна Иванова
г. Ставрополь

О ПОЭЗИИ И НЕ ТОЛЬКО

Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Спасибо за присланную книгу “Любовь, исполненная зла...” До неё мне не попадалась подобная, в которой так называемый Серебряный век был бы так доказательно разобран. Да, в представлении большинства читателей этот период в истории отечественной культуры считался достижением высочайшим — вслед за поэзией Золотого века XIX-го. Но как теперь стало понятно для читающих и думающих людей, то был период переломный в истории нашего Отечества — переломный в целом, когда надлежало решить основные наболевшие проблемы, в том числе и в литературе, и, в частности, в поэзии. А как показывает жизнь, люди искусства, литературы более остро реагируют на проблемы, более ранимы. И отсюда, полагаю, все эти “заскоки”, “перегибы” и т. п. Но среди этого “потока” появляется, конечно, что-то дельное, запоминающееся. Как любитель поэзии, я выделил их для себя — они вошли в моё эссе “О поэзии”, вышедшее в свет в 2011 году.

“Наш современник” любим в нашей семье. И более всего за публицистику, которая так нужна в переломное время. Полученный очередной номер прочитываем залпом и передаём друзьям. Между тем, в актив себе засчитываю подписку на два номера “Нашего современника”. Вспоминаю советское время, когда за книгой “гонялись”, стояли в очередях. А сейчас? Я знаю семьи, где по 2-3 автомашины есть, но совершенно отсутствуют книги!..

Но бездуховность — она сказывается везде и во всём. Загляните в лес — он захламлён горами мусора. Недавно проехал я на поезде 1500 км от Удомли до Димитровграда в Ульяновской области. В населённых пунктах вокруг железной дороги — горы бытового мусора. Вне населённых пунктов — захламлённый лес, заваленный упавшими деревьями. Отсюда и пожары, которых раньше не было. Проезжал я по центральным областям лет 20–30 назад, в советское время, — в лесах было чисто, ухожено, как в лесопарках!.. Таково действие злополучного Лесного кодекса, принятого несколько лет назад... Но где-то наводится и чистота и порядок — это зависит от конкретного “хозяина” области.

Будьте здоровы, Станислав Юрьевич!

С уважением
Л. Подушков
г. Удомля Тверской обл.

От редакции:

Немало приходит откликов на рассказы молодой писательницы Елены Тулушевой. Особенно радует, что отклики эти идут от молодых читателей, студентов, людей неравнодушных, остро чувствующих проблематику сегодняшней жизни, правду характеров, психологию нынешней молодёжи. Мы решили обобщить эти отклики в единой подборке.

ГЛАВНЫЙ ТАЛАНТ — НЕРАВНОДУШИЕ К ГОРЮ

Уважаемый Александр Иванович!

Я с интересом прочитала рассказы молодой писательницы Елены Тулушевой, опубликованные в № 3 журнала за этот год. Мне захотелось высказать своё впечатление.

“Мамы” — так называется рассказ, с которого я открыла для себя ещё одного Человека с большой буквы — Елену Тулушеву. Мы так привыкли говорить о литературном таланте, тенденциях и особенностях творчества и так мало, так непростительно редко о том, что же такое писатель? Каким человеком должен он быть? Что есть его ответственность перед собой и перед миром?

Читаю рассказ до конца. Не отпускает, держит цепко чем-то, а чем — с первого взгляда и не поймёшь. Кусочек жизни. Чужой, другой, залитой кровью. Кусочек какой-то очень уж документальный. И прощаешь литературную негладкость за честность, за объективность — такую, что как бы и автора не видно. Стоит где-то, но как будто и нет его.

“Ну, где ты? — хочется сказать Елене. — Смотри, твой Слава (рассказ “Слава”) — он же убьёт человека! В этот раз пронесло — убьёт в другой. Он же убийца. Ну, вмешайся, сделай хоть что-нибудь! Ведь это же тобой сотворенный мир... Не жалея ты его, заставь его мучиться, заставь пожалеть о своём преступлении. Ведь и Достоевский вмешался — заставил Родиона раскаяться, так заставь и ты — Славу. Разве нам — русским и пишущим — не вменяется в прямой долг писать нравственно, разве мы можем быть просто зрителями?”

А потом — потом читаю “Мамы”. И “Виною выжившего”. И я больше не ищу Елену в созданном ею страшном мире. Я поняла. Как ей вмешаться? Это мир Славин, Маринин, Мишин. И Слава — этот накаченный протеинами мальчишка-скинхед — обладает данным ему Богом даром — свободной человеческой волей. Тем талантом, которым каждый волен распорядиться, как ему заблагорассудится. И Слава распоряжается. Он не спрашивает мать. И тем более Елену. Он проходит собственный путь, на котором ему в своё время встретится израненный Христос, в которого Слава точно так же по привычке может воткнуть нож. А может и остановиться... И даже упасть на колени. Мы не знаем его пути. Мы можем только смотреть. С болью в сердце или равнодушно. И в этом честность Елены.

Смотрю на фотографию автора. Светлое лицо. Лицо из того времени, того мира, в котором всем было не всё равно, в котором не проходят мимо.

Наверное, главный талант Елены — её равнодушие к горю. Умение воспринять чужую боль, как собственную. Чужой грех, чужую муку взять на себя так полно, как это редко кто может. Взять без капли осуждения. Того осуждения, которое заставляет нас брать за волосы наших героев и перевоспитывать.

И ещё. Сострадать — это значит помнить. Наверное, мы просто забыли, как это больно — взрослеть. Как бывает одиноко. Как за секунду рушится иногда весь твой мир. Гусеница превращается в бабочку не за один день, и цветок раскрывается не за секунду. Сколько же труднее ребёнку превратиться во взрослого, и при этом не искалечиться, не сломаться! Дети, не умея бороться со злом в обычной жизни, чувствуя себя неприспособленными, уходят туда, где есть им подобные — такие же искалеченные душевно. Где можно начать всё сначала и из неуверенного в себе подростка превратиться в грозного борца со злом, над которым никто не посмеет смеяться.

Так становятся skinхедами и так же — наркоманами. Елена пишет не для того, чтобы самовыразиться, а чтобы не забывали. Помни, и ты был когда-то ребёнком! Помни в своей благополучной и, в общем, сытой жизни: есть те, кого любить некому. И высший человеческий подвиг — идти к ним и писать про них. Зная, что если ты и не согрешил, то нет в этом твоей заслуги, потому что их вина — твоя вина. Вина несогрешившего.

С уважением
Мария-Алиса Свердлова
г. Москва

БИЛЕТ В ЛЕТО ОТ ЕЛЕНА ТУЛУШЕВОЙ

... Герои рассказов Елены Тулушевой застряли на полпути. Стынут на ледяном ветру у заваленной снегом остановки, всё ждут угрюмо автобуса со своим «билетами в лето» в руках. Билеты изначально выдавались на всех как гарант счастья. Однажды ребята просто перестают надеяться и покрываются ледяной коростой.

Тулушевские герои полны пустой безысходной тоски. Ребята не умеют объяснить эту боль, гулкую пустоту в себе. Не могут, но бессознательно хотят этого так сильно, что злятся. Они недоумевают, истощаются в обидном нетерпении — и бьют. Слава и Васька «бьют» словами, режут ножом и презрительным взглядом. Маленький Богдан и Марина бессильно плачут, Юля безучастна ко всему... И вдруг сам автор торопливо, из-за строя гордых беззащитных плеч и отчаянных прямых спин, пытается докричаться до нас, «благополучных»: «Посмотрите на их семьи!»

«Мысль семейная» алой нитью тянется сквозь всё творчество молодой писательницы. Завершая очерки «Юля» и «Васька», она скажет: «Что-то сломалось в человеческих отношениях, в семейных ценностях. И, как сломанный заводской механизм, выдающий брак, деструктивные семьи ломают ещё только зарождающиеся жизни». Елена делится мыслью о том, что дети вырастают в обществе безразличия; из равнодушия рождается жестокость, прежде всего, родительская. Родители тоже не знают, как можно иначе. Вся детская скопившаяся горечь — отраву прольётся позже. Без вины виноватые ударят.

Слава, герой одноименного рассказа, бунтовщик-драчун с Манежки, тяжело ранит человека в припадке радостного оголтелого бешенства; Васька, герой очерка, помогает ему. Юля проходит мимо бойни, уставшая после занятий Марина даже не замечает происходящего. И только маленький, сбжавший из дому от приёмной матери Богдан тихо и потрясённо плачет, заслоняясь ладошками. Если поместить всех героев на одно полотно — жуткий комикс выйдет. А ведь это реальные конкретные истории современных ребят.

Впечатление от первой подборки Тулушевой («Наш современник», № 3) такое: да, как автор Елена своевременна и необходима. Но мне, в школьную бытность несколько лет подряд писавшей на подобную тематику (курение, алкоголизм, наркомания), изучавшей специальную литературу, беседовавшей с наркологами районной больницы, сначала показалось это несколько раздутым, язык — суховатым. Но сейчас пришло понимание — люди обязаны знать об этих проблемах в неразрывной связи с мыслью о том, что исток проблем и неблагополучия лежит, прежде всего, в семье. Это и есть общий знаменатель подобных горьких историй.

В новой подборке («Наш современник», № 6) — «Юля», «Васька» — Тулушева приводит выдержки из дневниковых записей блокадных ленинградцев. В пер-

вом очерке — подростка Юры Рябинкина: “А я хочу так страстно жить, веровать, чувствовать!.. Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!”

И вот уже ты корчишься, в груди — рваная рана бездонной глубины (и откуда в тебе такое вневременное чувство?), и слезы душат, и стыдно жить бесцельно и низко в ослепительно красивом мире. А где-то в голодном страшном блокадном 42-м мальчик просто хочет жить — с такой силою, как, может быть, не хочешь сейчас ты. И ты осознаешь это. . .

История “Юля” — о равнодушной ко всему девочке, выросшей с равнодушной матерью-наркоманкой. А парень из второго очерка — Васька, приёмш, от которого уже дважды отказались “родители”. Эти герои беспомощно бродят по ледяной пустыне. Но, может статься. . . Шум мотора и радостный восклик заставят их вздрогнуть.

Елена Тулушева — это тот самый вестовой, глашатай, объявляющий замерзающим о показавшемся на горизонте автобусе. И “билет в лето” — право на жизнь, на счастливую (хочется верить!) жизнь — не пропадёт зря.

Юлия Беззубова,
студентка

НАСТУПИТ ЛИ УТРО?

Елена Тулушева — новичок в ряду современных писателей и, вместе с тем, автор, явно выбивающийся из этого ряда. Это выделение на общем фоне обусловлено серьёзным опытом работы в области клинической психологии. Елена является старшим медицинским психологом в реабилитационном центре для подростков. Специфика деятельности обусловила тематику её произведений.

Главные герои рассказов — реальные подростки с реальными проблемами. Казалось бы, привычное и укоренившееся словосочетание — “подростковые проблемы”, но мы даже не представляем, сколько в нём глубинного смысла, горя, слёз, несбывшихся надежд, разочарований и обид. Об этом и пишет Елена Тулушева.

Тулушева не даёт читателям надежды на исправление героев, на лучшее будущее, и мы понимаем, что это вряд ли возможно. А всё потому, что в детстве их недолюбили, недоласкали, недохвалили. И во дворе под натиском нового, неизвестного, манящего они принимались ломать свои жизни, перечёркивая горизонты будущего.

Так, герой одноименного рассказа Слава, скинхед и несостоявшийся убийца, во всём винит свою мать. Он таит большую детскую обиду на неё: за “пятнадцатки в саду”, за “лагеря на все три смены”, за кадетский корпус. Ребёнок не может понимать взрослых проблем, он не в силах связать воедино постоянную занятость матери и покупку новой куртки. Он просто тянется к ней всем своим существом, к самому родному человеку, а она раз за разом отталкивает его, отправляя туда, где ему за всё необходимо бороться. И вот эта борьба за своё существование переросла у ребёнка в злобу на весь мир, стала привычкой. Он же боролся не только в школе, но и дома, во дворе, в себе, в своих мыслях. Боролся за то, чтобы не быть одиноким.

В такой ситуации человеку почти всегда нужно кого-то обвинить, “найти крайнего”, направить на него свою ненависть, злость и обиду. Такими “крайними” Слава делает мать и Бога. С Богом у него особые отношения, построенные на ревности и соперничестве за лидерство в сердце матери: “Никогда я не буду вторым, я — первый, я — лидер!” Но нельзя сказать, что Слава совсем не верит в Бога, — верит, но не признаётся в этом. В момент обыска, эмоционального всплеска, он, как запуганный зверёк, мечется по клетке и не знает, в какой угол приткнуться, у кого попросить спасения. И тут Слава вспоминает о Боге: “Где же её дорогой Бог? Что ж не поможет?” Да, со злостью, с обидой, словно признавая своё поражение в придуманной им борьбе, но вспоминает. Я думаю, что когда-то он примирится с Богом и раскается, но до этого ему предстоит пройти долгий путь переоценки себя и мира. А Елена Тулушева является спутником заблудших подростков на этом пути исправления. Очень тяжёлая и неблагодарная работа, мало кто потом скажет ей за это “спасибо”. Но Елене это и не нужно, она просто и скромно говорит, что кто-то должен быть с ними.

Кардинально противоположная ситуация описана в рассказе “Виною выжившего”. У Миши за плечами — два срока, туберкулёзный санаторий, передозировка. А до этого — профессиональные занятия скалолазанием, спортивные соревно-

вания, победы, частые похвалы, поддержка, забота, восхищение родителей. Ничто не предвещало беды, но в один миг всё оборвалось. Здесь уже всё по-другому: переоценили, перехвалили. Могу только предположить, что с правильной дороги Миша свернул из-за страха разочаровать своих восторженных почитателей, упасть со скалы, на которую он из раза в раз взбирался. Не хватило характера.

В “Виною выжившего” присутствует ещё один яркий образ – Марина, сестра Миши. Есть в ней и в Славе что-то общее... Наверное, это приставка недо-: любили, ласкали и т. д. Но у Марины это вызывает совсем другие чувства: “Ей хотелось тоже залезть высоко, ещё выше него, выше всех них, чтобы они задирала головы, чтобы увидеть её”. Это закаляет её, воспитывает характер, формирует цели, стремления. Желание переплюнуть, смотреть свысока движет её развитием: сначала школа, мечты о космосе, потом социально-психологический колледж, работа... И постепенно зависть по отношению к брату переходит в заботу, жалость: в институте она выбирает специализацию по работе с зависимыми, чтобы помочь брату, спасти его. С одной стороны, удивляешься, как обделённый в детстве вниманием ребёнок вырастает в такую сильную, волевою и отзывчивую личность, а с другой – понимаешь, что это результат самовоспитания и больших усилий над собой, что дело – в характере.

Елена Филимонова,
студентка

О ЧЁМ НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ

В буфете факультета журналистики с жаром обсуждали рассказы ярко заявившей о себе писательницы, а по образованию и основной профессии психолога реабилитационного центра – Елены Тулушевой. Но сразу хотелось бы оговориться: Тулушева заявила не о себе, а о страшных социальных проблемах современности, решения которых она подсказывает, открывая нам истинную причину их появления в своих произведениях. Большинство считало: то, о чём пишет эта молодая девушка, должно оставаться в узком кругу семьи и специалистов, если таковые имеются. Описание наркомании или пьянства у многих вызывает отвращение. Они же задаются вопросом: зачем об этом писать?

Отвечу: именно для того, чтобы подобные пороки вызывали неприязнь и отчуждение как таковые у тех, кто находится в “зоне риска”; чтобы вызвать чувство соучастия к беде ближнего и дальнего; чтобы потом родные не разводили руками со словами: “Как же это мы не уследили...” (Рассказ “Виною выжившего”).

Реалистичные истории, аккуратно перенесённые Тулушевой на бумагу, получили стройную художественную форму, где присутствует свой уверенный стиль повествования. Поэтому писательницу, которой только предстоит раскрыть свой талант в полную силу, юной назвать сложно. Создаётся ощущение, что перед нами уже вполне сложившийся автор.

Рассказы Елены Тулушевой – это не пространные рассуждения о том, что хорошо, а что плохо; не школьные сочинения с порицанием отрицательных черт героев. Это небольшие, но ёмкие произведения о том, о чём нельзя молчать.

Во всех трёх рассказах (“Слава”, “Виною выжившего”, “Мамы”), вне зависимости от того, от чьего лица ведётся повествование, автору удаётся держать читателя в напряжении. Она не просто вызывает желание узнать, что же будет дальше, как развернутся события, но и заставляет нас переживать чувства героев изнутри происходящего. Мы видим, как текут по щекам Марины горькие слёзы; сидя на кухне, она оплакивает “свое будущее одиночество и это не покидающее чувство вины за свои успехи, свои планы и мечты, вины за свою жизнь, которая у неё будет, а у брата нет” (“Виною выжившего”). Мы не представляем, а именно видим эти слёзы, эти покрасневшие глаза молодой девушки. Кажется, будто мы можем подойти и обнять, успокоить и бедную Марину, и забывшегося в угол Богдана из рассказа “Мамы”...

В рассказах можно проследить одну особенность: везде автор обозначает причину обрушения молодых судеб на фоне алкоголя, наркомании или детской преступности – это неблагополучие в семье. Может, кому-то это покажется несправедливым, но, думаю, стоит довериться мнению компетентного лица (ведь герои рассказов Елены Тулушевой – реальные люди, с которыми она долгое время работала в реабилитационном центре), да и жизненный опыт это подтверждает. На самом деле от того, какая психологическая обстановка складыва-

ется в семье, сколько времени уделяют воспитанию и заботе о детях и любят ли их, зависит их будущая жизнь, личностное становление.

Заметим, что Слава из одноименного рассказа крайне редко видел маму. Вечно занятая работой, она то оставляла его в садике с ночевкой, то отправляла в детские лагеря на все смены, а потом и вовсе “сплавил” Славу в кадетское училище. Воспитывая сына одна, Татьяна Борисовна забывала о том, что она еще и мать, а не только кормилец семьи. “Кадетку” же Слава закончил, когда уже имел вполне сформировавшееся мировоззрение, бойцовский, агрессивный характер. Тут уж за одну службу в церкви человека не переделаешь.

Читая рассказы Тулушевой, я невольно вспоминала творчество В. М. Шукшина. Возможно, этих авторов не стоит сравнивать с художественной точки зрения (хотя краткость повествования, глубокий смысл произведений и простой язык изложения – то, что их роднит), но то, какие чувства вызывают у меня деревенские рассказы Шукшина, сходны с теми, что я испытала при прочтении произведений современной писательницы.

Анастасия Хоптинская,
студентка

УЧИТЬСЯ МИЛОСЕРДИЮ

Как часто в городской суете мы закрываем глаза на то, что портит наш привычный пейзаж, рушит стройную картину пусть серых, но вполне стабильных будней. Человеческое общество потребления стало настолько эгоистичным и самовлюбленным, что готово не глядя отбросить на обочину всё, что не вписывается в рамки его собственного комфорта. Бездомные животные, люди, по каким-то причинам оставшиеся без крова и живущие на улице, подростки, не сумевшие найти себя в жизни и поэтому ступившие на кривую дорожку, – все они сегодня, как фантомы: их стараются игнорировать, не замечать, даже близкие порой исключают их из своей “благополучной” жизни. Общество словно наложило табу на обсуждение проблем детской преступности, алкоголизма и наркомании, считая, что ничего тут уже не поделаешь, мол, из этих подростков ничего путного не выйдет, и единственное, чего они заслуживают, – это осуждение.

Но не все идет таким путём. Елена Тулушева не смогла смиренно сидеть в стороне, не обращая внимания на то, как ежегодно сотни детей прощаются с солнечным миром и погружаются в пропасть наркомании, насилия и алкоголизма. Она совмещает работу старшего медицинского психолога в реабилитационном центре с писательской деятельностью, все свои физические, моральные и творческие силы отдавая борьбе с бедами подростков. В рамках проекта “Духовность для детей” Елена работала в лос-анджелесском гетто, а потом вернулась на Родину, чтобы помогать и московским подросткам. Невероятная сила духа нужна, чтобы в столь молодом возрасте не гнаться за достатком (Елена по первому образованию специалист по международному бизнесу), а предпочесть контакт с агрессивными, озлобленными и оттого очень несчастными детьми.

Рассказы Елены Тулушевой очень динамичны, живы, естественны. Проводя столько времени в стенах реабилитационного центра, она не отпускает мысли о судьбах подростков, когда садится за письменный стол. Её включённость в работу передаётся и читателям через необыкновенно реалистичные произведения.

Рассказ “Виною выжившего” переносит нас в обычную московскую квартиру. Утро выходного дня. Сладкая дремота. Нервные крики родителей за дверь. Главной героине Марине поперёк горла стоит эта жизнь, эти скандалы и бесконечные упреки. Она сквозь сон рассуждает о своей семье: “Нормальные люди... Когда-то они ещё могли бы претендовать на это звание”. Потом в её голове всплывают воспоминания о детстве, где отцовская любовь и гордость за дочку непременно ассоциировались с застольем и запахом перегара. Теперь она не нуждается ни в их понимании, ни, по сути, в них самих, ей вполне хватает своей работы и вечеров, проводимых в барах. Вот только бы ещё спокойный сон и отдельную квартиру...

Но квартиру родители подарили старшему брату Марины, которого всегда считали умнее, сильнее и перспективнее. К сожалению, он не вынес груза ответственности, который на него возложила семья. Пока Марина целыми днями пропадала на занятиях в социально-психологическом колледже, по вечерам подрабатывала и не переставала мечтать о покорении космоса или хотя бы восхищении со

стороны родителей, её брат сгибался под давлением возложенных на него надежд и медленно превращался из примерного сына в наркомана.

Образ матери в рассказе описан очень точно и ярко, с ноткой горечи. Женщина тащила на себе двоих детей, хозяйство, стараясь совладать с мужем-алкоголиком, поэтому с течением лет стала озлобленной, чёрствой, непробиваемой. Пытаясь криком решить все проблемы, создать порядок в доме, она несёт в глубине души тяжёлый груз, терпит боль, которую крики лишь на время заглушают. Мать становится уязвимой, говоря о Мише, потому что чувствует свою вину за то, что сейчас он неуверенно балансирует на грани жизни и смерти. Так уж она привыкла быть ответственной за всё: и за детей, и за неисправные замки, и за сломанный кран. Мне кажется, что когда женщина берёт на себя слишком много, ломается её женская сущность, и она превращается в негибкий металл.

Порой так выходит, что смерть одного становится «виной выжившего». Мишу уже не спасти, он живёт от дозы к дозе, не зная, наступит ли завтра. Мать винит всех окружающих и, в первую очередь, себя в том, что сейчас в семье нет ни счастья, ни понимания. Марина с сожалением вспоминает о детских годах, но старательно бежит от этих мыслей, чтобы не плакать. Каждый потихоньку зарывает прошлое и смиренно отводит глаза от будущего, чтобы стать ещё тверже, думая, что так проще жить.

Избавиться от прошлого хотел бы и Слава, герой одноимённого рассказа Елены Тулушевой из той же подборки. Новогодние праздники молодой человек проводил в хмельном угаре вместе с такими же, как он, дерзкими, озлобленными и уверенными в собственной безнаказанности подростками-скинхедами. Они перешли все возможные границы человечности, порядочности и здравого смысла: «Перед глазами замелькали едва сохранившиеся в памяти картинки. Он выходит из дома с ножом. Просто так, весь день пил, и адреналин зашкаливает. Фил и Лось ждут у подъезда. Пьяные<...>. Им весело и хочется беситься, как в детстве, тупо громко ржать и бегать. Провал<...>. Потом картинка: убегающий мужик под их громкие улюлюкания... Жалкий трус – сбежал, бросив дружка на расправу. Его уже повалили и дубасят ногами, прыгают, довольно скалятся. Это вкус власти над чьей-то жизнью, с каждым разом он всё сильнее и сильнее<...>. Он ударил его ножом, он помнил это ощущение – раньше не знал, как это, – когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая меж рёбрами<...>. Что произошло дальше – никто не понял. За эти дни они ещё не успели протрезветь настолько, чтобы всё обсудить<...>. Он не орал, он хотел просто убить. – Убить, убить эту тварь, – снова застучало в голове, как в ту ночь».

Внутренние монологи поражают своей реалистичностью. Они обрывисты то ли из-за похмелья, то ли от волнения. Комок подкатывает к горлу от их хладнокровности и жестокости.

Мне кажется, что в Славе изначально не было ни животной жестокости, ни желания противопоставить себя миру и общественным устоям, но он день за днём, год за годом наблюдал, как родная мать смотрит сквозь него, не замечая. Отсюда и ненависть к «её Богу». Мальчик чувствовал, что она его, собственного сына, любит меньше, чем Бога, поэтому детская ревность переросла в юношескую одержимость уничтожением себя, окружающей жизни и всех, кого Слава уже, к сожалению, так и не сможет полюбить.

Татьяна Сочилина,
студентка

БЕЗ ПРИКРАС

В современном мире положение молодёжи в обществе остаётся крайне неустойчивым. Каждое четвёртое уголовное преступление совершается подростками, среди которых всё больше и больше алкоголиков и наркоманов. Тогда как государственные молодёжные организации, как правило, создаются в момент приближения очередных выборов, молодёжное творчество интересуется лишь узкий круг лиц, а государственные «похвалы» за него настолько ничтожны, что отнюдь не являются стимулом к деятельности. Социальные проблемы молодёжи, увы, остаются лишь её проблемами. Часто положение трудных подростков в стране просто замалчивается, «но ведь кто-то же должен быть с ними?» Именно так говорит Елена Тулушева – старший медицинский психолог детско-подросткового отделения наркодиспансера. В нём проходят реабилитацию подростки с опытом

употребления или страдающие зависимостью от алкоголя, никотина, наркотиков.

В свои 27 лет Тулушева успела поработать во Франции и Соединённых Штатах в рамках проекта “Духовность для детей”, вернуться в Россию и продолжать эту работу с молодёжью столичных окраин, причём попробовать не только помогать таким ребятам, а ещё и донести до всех нас то, что подобные проблемы крайне остро стоят в нашем современном обществе и о них нужно говорить! Говорить так, как и делает это Елена – открыто, без прикрас и сглаживания острых углов. Речь героев, поведение, внутренние монологи не то чтобы максимально приближены к реальным, а действительно таковыми и являются (“Башка раскалывается. Надо Филу набрать...”; “Славик, тебе же врачи говорили, нельзя пить столько – у тебя давление!” – скривив лицо, он спародировал мамину интонацию”). В своих рассказах автор как нельзя более точно передаёт реальную картину возможных социальных проблем среди молодёжи. Тех, с которыми она сталкивалась, работая с “трудными” подростками. И хотя писательскую деятельность Тулушева начала всего два года назад, донести то, что она считает своим долгом в публикациях, на мой взгляд, у неё получается.

Ксения Москаленко,
студентка, г. Краснодар

ЭТО ПРАВДА!

Уважаемая редакция!

Хочется поделиться с вами наболевшим. Вчера шла по улице и прочитала на заборе: “Фашизм придёт! Навсегда!” И это в городе Мытищи, рядом с Москвой, у нас в России, во время украинских событий!.. Я не очень удивилась, ведь после распада СССР холодная война сменилась информационной. Не только на Украине, но и в России, наше общество и молодёжь подвергаются оболваниванию. И я этому свидетель.

Году в 2004-м или 2005-м (это знает Швыдкой) над Москвой взорвалась бомба с фекалиями. Эта бомба называлась “2-я Московская Биенале”, навязанная нам Западом и обретающимися там художниками-эмигрантами из России. “Биенале” была открыта в нескольких музеях современного искусства Москвы, в том числе на Петровке, 25, где я тогда работала смотрителем.

На нас вылился целый ушат порнографии (а по-русски – похабщины) и экспонатов двусмысленного содержания, оскорбляющих и унижающих честь и достоинство русского человека, нашу историю и советское прошлое. Это было глумление победителей над побеждёнными. Посетители часто спрашивали нас: “Вам тут за вредность платят?”

Невозможно перечислить всю вереницу выставок, которую мне пришлось увидеть за 12 лет. Большинство из них негативно действовали на сознание и психику посетителей, особенно молодёжи.

За искусство выдаются бездуховность, пошлость, антипатриотизм, порнография и сексуальные извращения – всё годится для растления подрастающего поколения нашей страны.

Я расскажу только о двух из многих экспонатов, картин и инсталляций, которые ранили мою душу, которые я никогда не забуду и, как русский человек, не смогу простить.

На выставке художника Кулика в музее в Ермолаевском переулке, 17 была представлена большая клетка из металлических прутьев, где в натуральную величину сидел за письменным столом Л. Н. Толстой, реалистично вылепленный из воска. А над его головой, тоже в клетке, по прутьям бегали живые куры, которые гадил в низ. К концу выставки вся фигура Льва Николаевича была залеплена помётom. Вот так “современное искусство” обгадило нашу литературу и культуру.

Не знаю, специально ли это или простое совпадение, но музей на Петровке расположен напротив православного Высоко-Петровского монастыря. Верующие даже пытались пикетировать здание нашего музея, протестуя против содержания выставок, но их быстро разогнали. Музей в Ермолаевском переулке отделён от православной епархии кладкой кирпичей. Знали бы в Патриархии, какая бесовщина иногда выставляется в музее у них за стеной!..

Ещё один эпизод из многих. Музей на Петровке, 25 взял в аренду из Третьяковской галереи картину братьев Ткачёвых “Лиховетье”. В зале она выделялась своим содержанием и художественным исполнением. В очередное моё дежурст-

во, как обычно, пришла в зал экскурсия школьников. Экскурсовод – молодая девушка с высшим образованием “авторитетно” разъясняла подросткам: “На этой картине изображена тяжёлая жизнь крестьян при Советской власти...” Она увела детей дальше, в другой зал, и ни слова не сказала об Отечественной войне и об истинном содержании картины.

Девочки, стоявшие ближе всех к картине, заметили: “А вот эта, босая – какая страшная... Ха-ха-ха...” – и заторопилась догонять свою группу.

Когда зал опустел, перед картиной остались стоять парень и девушка. Картину в жанре реализма всегда хочется рассматривать долго... Я не выдержала и подошла к ним. Они улыбались. “Ребята, разрешите, я расскажу вам настоящее содержание этой картины”. Они не возражали. “Картина называется “Лихолетье”, – продолжала я. – Вы видите перед собой русское поле ранней весной 1944 года. Красная Армия выбила фашистов из села и погнала врагов дальше. Видите, слева, на горизонте, – разорённая деревня, одинокая коровёнка, чудом уцелевшая при немцах, щиплет прошлогоднюю траву. В деревне не осталось ни мужчин – они ушли на фронт, – ни молодёжи – они угнаны в Германию, ни машин, ни лошадей, одни женщины и дети... А надо жить, пахать это поле, на котором ещё мины падаются, кормить себя и страну. Вы видите на переднем плане полураздетых женщин и детей, запряжённых в плуг. А за плугом ходит солдат-инвалид на деревянной ноге. Нам сейчас трудно даже представить себе, каково им было, как русский народ восстанавливал хозяйство после войны”, – заключила я.

Я подумала о том, что определённая прослойка нашего общества, которая кушала хлеб, замешанный на крови и поте, и слезах русского крестьянина, получив высшее образование, назвала русский народ “быдлом”. Могли бы быть и повежливее...

“Это правда?” – спросил юноша, став серьёзным. “Конечно, – ответила я. – Ведь я родилась до войны. Моя мама и её сестры почти так же работали в колхозах после войны. Сами были голодные, а кормили всю страну”.

“Спасибо!” – сказали мне ребята и пошли дальше, унося с собой Правду.

Тамара Кирилловна Неподаева,
пенсионерка, в прошлом – смотритель Музея
современного искусства на Петровке, 25
г. Москва

ОСКОРБИЛИ ПАМЯТЬ СУВОРИНА И ЧЕХОВА

Уважаемая редакция журнала “Наш современник”!

Обращаюсь к вам с просьбой довести до сведения общественности ту неприглядную картину варварства, что совершается на родине выдающегося русского литературного деятеля, известнейшего издателя и просветителя России Алексея Суворина. Прежде всего, расскажу об этом человеке.

9 сентября 2014 года исполняется 180 лет со дня рождения публициста, писателя, издателя, уроженца села Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии Алексея Сергеевича Суворина (11.9.1834–11.8.1912), который известен не только своей плодотворной издательской и общественной деятельностью, но и как ревностно заботившийся о своих земляках человек. Он часто бывал в родном селе Коршево, построил там школу, в которую подбирал лучших учителей, заботился о материальном положении крестьян. В 1892 году во время голода в Воронежской губернии он приезжал на родину вместе с Антоном Павловичем Чеховым. В этот приезд он останавливался в доме священника местной Воскресенской церкви Федотова: здесь была организована столовая для голодающих, здесь Антон Чехов лечил крестьян. Дом Федотова с тех пор хранил память об этих людях, а рядом стоящий дуб стал своеобразной Меккой для поклонников Чехова – ведь под этим деревом врач Чехов принимал крестьян.

С приближением 180-летия со дня рождения Суворина воронежцы надеялись на отдание ему должной памяти, были уверены, что вспомнят добрым словом и делом и писателя Антона Чехова (17.1.1860–2.7.1904), для которого 2014 год тоже имеет свою круглую дату: 7 июля 2014 года исполнилось 110 лет тому, как Чехов ушел в мир иной. Казалось, что благодарность потомков проявит себя.

Но случилось то, о чём я вынужден рассказать.

Начну по порядку. 8 ноября 2013 года мне позвонил давний знакомый – кра-

евед из села Коршево Александр Иванович Ляпин – и сказал: “У нас проблемы. Дом священника Федотова ломают”. Я явственно вспомнил этот просторный дом на высоком фундаменте и дуб рядом с ним, под которым несколько лет назад мы сидели на скамейке с краеведом и беседовали.

У меня похолодело на душе: “Единственное, что осталось в области в память о Чехове, – и то сносят!”. А Ляпин продолжал: “Обивают штукатурку. Теперь как первозданный вид. Видимо, кому-то под сруб понадобился”. Я не знал, что сказать. Хотел написать заявление в суд, но к кому предъявлять иск, было неясно: краевед не мог сообщить, кто ломает дом. Да и судейская тяжба затянулась бы надолго. Я несколько дней думал, что же предпринять, как снова позвонил краевед и сообщил: “Стали шифер с крыши снимать”. Тут уж ждать было нельзя. Пришли мысли, как оперативно среагировать на произвол. Я позвонил руководителю областной телерадиокомпании и рассказал ставшие мне известными факты. Тот ответил: “Давайте материал”. Я несколько дней потратил, чтобы получить из Коршево фотографии разрушаемого дома и с ними приехал в телерадиокомпанию, но с руководителем встретиться не получилось, и я изложил всё корреспонденту местных “Вестей”. Корреспондент обнадежил: “Посмотрим”. Потом созванивался с ним и слышал в ответ: “Тема в работе”. А из Коршево пришли утешительные новости. “Вроде не срывают. Дождь весь день льёт”, – говорил краевед. Я успокоился, но усомнился: “Надолго ли?”

И вот корреспондент сообщил: “Завтра выезжает группа”. У меня от сердца отлегло: “Дом Федотова спасён!” Я и сам готов был ехать с телевизионщиками в Коршево, но решил не мешать им. Хотя и закрадывалось сомнение: не обманули бы. Ведь в своей жизни я повидал столько обмана, словно он превратился в норму жизни.

Не обманули. Краевед позвонил: “Группа приезжала. Всё отсняли”. Я воспрянул: “Ну, сейчас покажут по местному каналу! Тему подхватят общероссийские телекомпании! И ударят по рукам тем, кто посягнул на память Суворина и Чехова”.

Смотрел по телевидению новости, но материала по Коршево не показывали. Прошёл день, второй, прошла неделя. Я нервничал, звонил краеведу: “Не показали? Может, я проглядел?” Тот прояснить ничего не мог. “Золотое время теряют”, – у меня сжимались зубы. Вот позвонил краевед: “Есть новости...” – “Увидели по ТВ?” – обрадовался я. “Да нет. Ну, осторожно, аккуратно сняли шифер, теперь сдирают железо”, – произнёс он. Я снова звонил в телерадиокомпанию, передавал печальные известия, просил скорее показать материал, а мне отвечали: “Да, материал есть, но найти хозяина не можем”. – “Как это? В администрацию Коршевского поселения позвоните”, – вырывалось из меня. “Кому ни позвоним, все отрещиваются”. Отрещивалась областная и местная власть, которая обязана знать, что происходит на их территории.

Показ материала откладывался. Я снова интересовался: нашли “хозяина”? Пошёл материал? Выяснял у краеведа: знает он тех, кто разбирает дом? Но он отвечал: “Мы спрашиваем у рабочих, кто вас послал ломать? А те смеются и не говорят”.

Время шло. Новый звонок Ляпина: “Рамы вынимают. Кирпичный сарай рядом разрушили”. Меня охватило ощущение, близкое к безысходности: “Что творят!”

Терзало: “Завтра уже декабрь, а началось в ноябре. И до сих пор не выяснили, кто чинит безобразие”. Внутри ныло: “Алексей Сергеевич! Антон Павлович! Что же за Вас никак не вступятся!”

5 декабря краевед позвонил: “Печь разбирают. Мы с ребятами подошли: “Что же вы делаете?” А нам: “Да это не мы, нас заставляют””. Я звонил в телерадиокомпанию, прибежал туда, требовал дать материал, но дело с места не двигалось.

Я возмущался: “Варварство!” А мне отвечали: “Что, в Воронеже это впервой? Вон дом, где останавливался Лев Толстой – раскурочили”.

От звонков на телевидение чуть не заработал нервное расстройство. Шёл Год культуры, а получалось – год разграбления.

И вот 5 июня я позвонил в Коршево. Хотелось услышать: дом оставили в покое. Спросил, между прочим: “Ну, как там?” – “А как? – смеясь, говорил краевед. – Подогнали трактора и всё разломали”.

Меня как обожгло!

Я отложил все дела и на следующий день поехал в Коршево. В средней школе нашёл Ляпина, который показал мне табличку “С. Петербургское общество страхований 1858 г.”: “Это с дома Федотова. Мы еле успели её снять!” – пояснил он. Выходило, дом застраховали. Он простоял более 150 лет! “Не спасла страховка”, – с горечью подумал я.

Я стоял перед горой обломков, которые ещё недавно были домом со славной и долгой историей. Бревна лежали сикось-накось, торчали вверх, угрожающе выпирали углами листы железа, зависали обломки стен. Ляпин залез на край кучи и стучал по дереву: “Бревна-то живые, свежие! Дуб! Звенит, как будто вчера обтесали!” Я вспомнил табличку: “Застрахован в 1858 году”.

— Надо же, как строили! — И зазвучало в душе извечное, характерное для всей России: “ломать — не строить...” Как часто у нас огульно ломают, не думая крушат. С печалью смотрел я на то, что могло бы ещё служить и служить, принести пользу, но по воле людей равнодушных предалось уничтожению.

Я озираю это печальное побоище.

“Так поступили, как будто здесь Гитлер родился”, — заключил краевед.

У меня похолодело всё внутри. А на самом деле так поступают только тогда, когда нужно уничтожить, стереть с лица земли память. Гитлер такого заслуживал, но Чехов? Суворин? Конечно, нет!

В ста метрах от дома высилась Воскресенская церковь, где служил священник Федотов. Я взобрался на колокольню и разглядывал на одной половине деревенского простора домики, где за деревья прятались кучи мусора, оставшегося от бывших строений больницы и дома Суворина, на другой — сползавший к Битюгу склон с бескрайним ковром леса до горизонта. На фоне такого безбрежья кучи мусора от строений больницы казались маленькими, но чем меньше выглядели они, тем глубже впивался в сознание ужас от всего происшедшего.

Я знал, что священника Федотова репрессировали, что в 35-м закрывали Воскресенскую церковь и в 49-м открыли вновь.

“Эх, насилие продолжается. Мало, что сажали священника, нужно ещё стереть с лица земли его дом. И всё, что с ним связано”.

Я добрался до администрации поселения, но главы на месте не оказалось. Как сказали: “Она на поселении”. Видимо, у местной власти в запасе всегда было алиби на случай приезда нежелательных гостей.

Меня одолевал вопрос: почему такое произошло? Я направил главе Коршевского поселения запрос с вопросом: почему уничтожен дом священника Федотова? И вскоре получил ответ.

“Старая больница (здания, включая дом Федотова) стояла на балансе... передана Департаменту имущественных и земельных отношений области, который 10 сентября 2013 года издал приказ о списании имущества...”

Выходило, что списали. Что осенью прошлого года, когда начали растаскивать и курочить дом, он уже был списан! Хозяйном оказалась могущественная в каждом регионе организация.

Получалось, коршевцев, краеведа, школьников, меня, телевизионщиков держали в неведении, скрывали, кто затеял это гнусное дело, водили за нос.

В приказе значился и инициатор сноса:

“...на основании обращения Департамента труда и социального развития области”...

Снова чиновники!

Эти радетели за свой карман...

В приказе значилось: “в десятидневный срок... представить... копии документов, подтверждающих... демонтаж здания...”

В приложении к приказу было записано: стоимость зданий, котельной, гаражей, подвалов — нулевая.

А я-то видел, какие там бревна, какие доски, какой стройматериал! Неспроста ещё по осени протянули к нему свои руки нувориши...

Выходило, не без участия областных и местных чиновников растаскивали шифер, снимали окна, утаскивали брёвна...

Можно зареветь белугой, осозная, как в очередной, тысячный, миллионный, миллиардный раз обманули людей, коршевцев, меня, оскорбили память Суворина, Чехова чиновники без сердца и без понятия землячества. Тайные враги жизни и культуры россиян...

А ведь на юбилей Суворина все эти чиновники соберутся, будут произносить речи в честь прославленного земляка и известного писателя, будут пить крепенькую за людской счёт, и никто и словом не обмолвится, как подло они обошлись с патриотами России.

Михаил Иванович Фёдоров,
адвокат, член Союза писателей России
г. Воронеж

КРОВЬ НЕВИННО УБИЕННЫХ...

Уважаемая редакция!

Сегодня, на глазах всего цивилизованного мира на юго-востоке Украины развернулась страшная трагедия. Идёт полномасштабный геноцид русского населения нашего региона. Нас расстреливают из всех видов вооружения, включая танки и ракетные комплексы, бомбят авиацией с воздуха. Нас уничтожают. Нас не хотят видеть живыми. Именно как русских. Раздирающий душу вой сирены противовоздушной обороны, пустые прилавки магазинов и аптек, руины жилых домов и госучреждений, воронки от снарядов и бомб, трупы убитых людей, лежащие на улицах и обочинах дорог, – всё это стало обыденным явлением для жителей городов и сёл Донецкой и Луганской областей. Гибнут десятки людей. На Юго-Востоке продолжается “антитеррористическая операция”.

Естественно, происходящие сегодня на юго-востоке Украины события не могли бы сделаться возможными без мощной поддержки Запада. Поддержки политической, финансовой, информационной. Во всю мощь работает политика двойных стандартов. Для них насильственный захват власти в Киеве фашиствующими молодчиками в феврале – это волеизъявление “свободных” граждан Украины, а вот мирные бескровные референдумы в Крыму и на Донбассе – крайне опасные для спокойствия мирового сообщества провокации, организованные “врагами порядка и законности”. Когда милиция в ноябре попыталась разогнать бесчинствующую толпу – американские и западноевропейские СМИ подняли вселенский визг: ОНИ ЖЕ ДЕТИ! Между тем, абсолютно не принималось во внимание, что “ониждети” нападают на сотрудников милиции при непосредственном исполнении их прямых служебных обязанностей. Милицию и солдат внутренних войск били палками, цепями, кидали в них камни и коктейли Молотова. А те практически не предпринимали никаких мер, соответствующих образовавшейся на Майдане ситуации. Не поступало приказа сверху. В какой стране могло произойти что-то подобное? В США? В Великобритании? Или в той же Германии? Мыслимо что-то похожее даже вообразить? Но когда сейчас на головы мирного и безоружного населения Донбасса летят бомбы и снаряды, а по густонаселённым городским кварталам “работают” ракетные установки, то же самое мировое сообщество хранит гробовое молчание, ибо, по его разумению, там идёт вполне цивилизованная “антитеррористическая операция”.

Перед телекамерами мировых средств массовой информации всю меру ответственности за проведение на территории Донбасса кровавой карательной операции взял на себя “всенародно” избранный Президент Украины Петро Порошенко. Грамотные люди давно разобрались, что Порошенко будет поступать только лишь так, как порекомендуют ему его западные друзья. Ни шагу влево, ни шагу вправо – без команды “оттуда”. Пожурчав вволю речами перед журналистами о мире, тем же часом отдаёт он приказ об артобстреле городов и сёл Донетчины и Луганщины.

По Украинскому телевидению часто показывают жителей Западной Украины, требующих от своего правительства как можно более жёстких мер по отношению к непокорному Донбассу. Несомненно, большинством из них движет мстительное чувство и, в немалой степени, страх. Ведь вначале мероприятие, именуемое АТО, навязанное извне, виделось им чуть ли не увеселительной спортивно-охотничьей прогулкой по плотно заселённой перепуганной дичью местности. А наткнувшись они на надлежавший отпор со стороны народного ополчения городов Юго-Востока. И почему-то удивились!.. Будто им было прежде невдомёк, что никакой нормальный человек не горит желанием быть ограбленным, незаслуженно убитым, убитым. И на их землю сейчас пришло горе. Не редкость теперь, что в какой-нибудь квартире во Львове или под крышей белостенной хатки где-то на Волынщине раздаётся истошный крик новоиспечённой вдовы. Ежедневно с Донбасса на запад Украины отправляются гробы с телами чьих-то отцов, братьев, сыновей. И некоторые из родственников погибших в запальчивых речах требуют мести за смерти своих погибших близких. Яро. Зло. Но забывают они, между тем, что мы не звали подобных гостей к себе домой. А они пришли устанавливать СВОИ порядки на НАШЕЙ земле, пришли нас убивать. Одурманенные псевдопатриотическими речами дикторов Украинского телевидения, они забыли слова святого благоверного князя-воина Александра Невского: “Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет”. Потому-то и отправляются гробы во Львовскую и Тернопольскую область, в Ивано-Франковск и Ровно. А перед украинскими

СМИ обозначена первоочередная задача: дурачить народ, держать его в постоянно нагнетаемом воинственном психозе, чтобы не дать людям разобраться в сути происходящего сейчас на Украине. Хотя суть проста и очевидна: люди одной крови убивают друг друга, брат убивает брата.

Война пришла и на мою Родину, в Станично-Луганский район – в совсем ещё недавно цветущий край, издавна освоенный для жизни донскими казаками, радовавший глаз живописной природой, а сердце – отголосками былых времён, хранящимися в протяжных песнях коренных жителей района. Областной центр, город Луганск, находящийся от Станицы Луганской в двенадцати километрах, долгие годы привычно обеспечивался клубникой, сорванной прямо с грядок, огурцами, помидорами, выращенными в наших парниках и теплицах. Везли в город и молоко, и сметану, и творог – хозяйства у доброй половины людей содержались довольно крепкие. Народ живёт здесь работающий, умеющий и любящий трудиться. Не надеясь на шаткое “авось” и “доброе дяденьку”, делали сказку *быльё* собственными руками. Но сейчас всё поменялось. Война.

Отзвуки автоматных и пулемётных очередей, периодически раздающиеся где-то в окрестностях посёлка. Гулкие удары разрывов снарядов. Полные испуга глаза маленького мальчика. Его шёпот: “Мама, я боюсь...” И совершеннейшее бессилие молодой мамы, пытающейся защитить собственного ребёнка. Плач дряхлой старухи, едва-едва спустившейся вниз по ступеням в подвал, спасающейся от бомб, падающих с неба. Вооружённые люди, патрулирующие обезлюдившие улицы некогда счастливого, весёлого поселка. Сегодняшняя жизнь его жителей – без электричества и газа, без подвоза свежих продуктов в магазины и медикаментов в аптеки. Война.

Бои возле Станицы Луганской начались в конце мая-начале июня. То затихнут, то опять возобновятся с новой силой. Обойти посёлок стороной война не может никак, поскольку он занимает стратегически важное положение. Через Станицу Луганскую проходят две дороги на столицу Луганской Народной Республики – город Луганск. По ним можно заехать напрямик в восточную часть города. На обеих дорогах перед автомобильными мостами через реку Северский Донец оборудованы блокпосты ополченцев. Надо сказать, в народном ополчении состоят в основном местные жители района. Сперва в добровольцы записались те, кто изначально не мог смириться с мыслью, что на нашу землю заявится враг и начнёт наводить свой *бандерложий* “порядок”, а потом уже к ним присоединились люди, кому надоело жить в постоянном ожидании скорой и неожиданной смерти. И воюют теперь вместе за отчую землю. Воюют, как раньше работали: умело, со смекалкой. Немало нацистских карателей нашло свою смерть в казачьем краю, немало боевой техники было подбито и сгорело.

2 июля стало чёрной датой в истории Станицы Луганской. В этот день самолёты военно-воздушных сил Украины разбомбили улицу Островского. Погибло 12 человек, среди них двое детей, несколько десятков человек получили ранения различной степени тяжести. Более чем странный выбор цели для участников антитеррористической операции – совершенно мирные люди, никогда не бравшие в руки оружия. Трагической ошибкой этот случай не назовёшь. Какая может быть ошибка, если отряды бойцов народного ополчения к улице Островского никогда и близко не подходили? Ближайшее их месторасположение находится в нескольких километрах отсюда. Что кроется за этой трагедией? Какие цели преследуются её организаторами? Данные вопросы до сих пор остаются открытыми. Украинские власти сразу же свалили вину на ополченцев. Мол, это они произвели миномётный обстрел тихой рабочей улицы. И весь “цивилизованный мир” охотно сей басне поверил. Невзирая на то, что свидетелями данного военного преступления, направленного против гражданского населения, стали сотни людей, живущих в нашем посёлке. Но какое до них дело киевским властям? Какое им дело до слёз детей, стариков и старух, прячущихся по подвалам от артобстрелов и налётов украинской авиации? Какое им дело до гибели многого множества мирных людей, им, развязавшим эту кровавую бойню?

Кровь невинно убиенных вопиет к небесам!

Дмитрий Николаевич Юдкин,
член Межрегионального союза писателей Украины,
председатель правления литературно-исторического клуба “Русичь”
г. Луганск

О СТАЛИНЕ НЕВОЗМОЖНО НЕ ДУМАТЬ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Вашу публицистику всегда читаю с волнением, и “Жизнь. Судьбу. Россию”, и про жрецов и жертв Холокоста, и о поэтессах и поэтах Серебряного века. Во многом соглашаюсь, но иногда хочется поспорить. Хотя, может, это и не спор будет, а просто разговор – как посмотреть.

В нашей истории есть раскольные темы, раскольные фигуры – Иван Грозный, Петр I, декабристы, Колчак, Сталин, – относительно которых никак не складывается согласие даже в среде единомышленников. Вот и в 11-м номере “НС” за 2012 год Ваши дневниковые записи как раз про Сталина. Прочитала – и несколько дней ни о чём другом думать не могла. Не даёт мне покоя мысль, что так азартно защищать эту личность, безусловно, масштабную, всё-таки не надо. Я пишу это не с голоса телепропаганды, и в отношении Сванидзе и ему подобных с Вами вполне согласна, да и прогорели они со своими клеветами, потому как вызвали обратную реакцию, – я иду от семейного предания и собственных наблюдений.

К Сталину и репрессиям я отношусь примерно так же, как относился мой родственник, узник Северлага с конца 1937-го по начало 1946 года по ст. 58-2-7-11. Годы жизни: 1909–1984. Чтобы не тревожить имени, данного ему при крещении, назову его Алексеем Ивановичем. Он был реабилитирован в первую волну, в сентябре 54-го, справку получил в мае 57-го (документы есть). Когда появился “Один день Ивана Денисовича” (я училась в 7-м классе), я прочитала и спросила: “В этой книге написана правда?” Он ответил: “Да, так оно и было”. При этом ни до, ни после хрущёвских разоблачений А. И. никогда о Сталине плохо не говорил. У него даже была версия, возможно, ещё с лагеря, что репрессии конца 30-х – это происки немцев, которые готовились к войне с нами и сумели так подстроить, что наша верхушка бросилась на поиски врагов народа: учинили погром военных кадров, озлобили безвинными арестами мирное население. Он рассказывал, что когда началась война, охрану лагеря усилили – боялись, что начнутся бунты и переход эзков на сторону фашистов. Но ни один человек даже не заикнулся об этом, напротив, посыпались заявления на имя Сталина с просьбой отправить на фронт. Писали: “Кровью докажу, что не виновен” – или: “Кровью смою позор”. А. И. тоже писал, говорил, что дважды, но его не отпустили. Вскоре он был отряжен комплектовать машины для фронта. Из окрестных хозяйств стягивалась неисправная автомобильная техника, заключённые собирали из неё ходовые машины для отправки в армию.

Специальность механика спасла его, он был поставлен на паёк, была наложена бронь, да ещё за одно рацпредложение скостили срок на 2 года из 10-ти. Вообще он считал, что было у него несколько везений: и эти 2 года, и то, как хирург-еврей сделал ему удачную операцию сложного случая аппендицита (“Теперь бы зарезали”, – говорил).

Самые страшные были первые два года – работа на лесозаготовках. “Люди мёрли, как мухи”, – вспоминал он. Кормили плохо. Особенно быстро сворачивались те, кто не имел привычки к физическому труду: партийные работники, служащие, интеллигенция. Может быть, не везде было так, но было и так. А. И. не раз задумывался о числе жертв, и я помню его прикидки. Поэтому я не верю ни в меньшие, ни в большие цифры, которые теперь приводятся. Я понимаю трудности подсчёта. Даже по разнесению по статьям – уголовная, политическая, – ведь порой человека подводили под ту, которая удобнее в данный момент, есть такие свидетельства. Возможно, архивы по политзаключённым были подчищены, что вполне объяснимо: после XX съезда ещё были живы вершители расправ, и они не могли не бояться за себя – никто не знал, как далеко могут зайти разоблачения “культы”. Подчистки могли случиться даже и до съезда, сразу после смерти вождя, – те, кто подписывал расстрельные приговоры, вряд ли спали спокойно и ничего не предпринимали.

Мне разрешили в 1997 году прочитать дело А. И. в архиве ФСБ. И сразу поразила одна цифра. Из села Хаихта Куйтунского района Иркутской области в конце 1937 года было арестовано 16 человек, 16 мужиков-работников. Одним из них (не буду называть фамилию) был заявлен весь список, и это был список “участников контрреволюционной повстанческой организации”. Дальше шли показания, страшно путанные, было видно, что люди не знали, что говорить. На А. И. показывали, что он “вредительски ремонтировал трактора”. Легко было придум-

мать для механика МТС! И даже нет возмущения этими людьми – они свидетельствовали явно под прессом.

О Сталине, конечно, невозможно не думать. И я всегда хотела уяснить для себя его образ без навешивания лишних вин, но и без излишнего возвеличивания. Я читала о том, что Сталин в годы индустриализации знал если не в лицо, то по фамилии каждого директора завода. Так почему же у него не возник вопрос, куда девался в 1937 году директор иркутского авиазавода? А. И. говорил, что видел его в той самой иркутской тюрьме.

Вы называете его “православным семинаристом”... Да, но семинарист недоучившийся, исключённый, с нехристиански мстительным характером... И сколько православных священников в его правление сошло в землю... Да, он открыл церкви в годы войны, но мне кажется, народ так и не успел понять, явилось ли это отказом от воинствующего атеизма или необходимым политическим шагом. А если всё-таки началось выправление перегибов 20-х годов, на что просто не хватило жизни? Кто знает... Ведь было и такое (довелось прочитать в одной рукописи): во время войны (или сразу после войны) особо отличившимся воинам по указу Сталина выделялся кусок земли в пять гектаров на единоличное хозяйство. Однако поднять эту землю отцу автора рукописи не пришлось: не дали нищие колхозники из зависти, да и у самого хозяина, израненного в боях, да с малолетними детьми, не достало сил – ничего из этого не вышло.

Ещё черта времени – наши стройки 1930-х годов. В “НС” несколько лет назад был опубликован материал (не вспомню имя автора, но он писал тоже в защиту Сталина) о том, как строились необходимые стране заводы, особенно на Севере. Как сначала собрали вербованных, но они стали разбегаться, не выдержав холодного климата и тяжёлых условий труда. Тогда стройки были переданы в ведомство НКВД, и дело пошло. Трудно отрицать тот факт, что непосильный груз индустриализации при строительстве социализма в отдельно взятой стране лег в том числе и на плечи заключённых. Наверное, другого пути и не было в той обстановке разрухи и отставания от других стран. Но как нам разделить в подсчётах жертвы репрессий и жертвы индустриализации? Они неразрывны. Важнее осознать, что мы до сих пор пользуемся плодами их труда. Тут я совершенно согласна с Вами по поводу чередования эпох: накопление – проедание. Видимо, пульсация такая: напряжение – расслабление. Подвигам комсомольцев-добровольцев в 60–70-е годы тоже не надо принижать. Но им было легче, у них уже была техника, и они находились не на положении рабов.

Читала я о Сталине и другие свидетельства. Например, мемуары маршала А. Е. Голованова “Дальняя бомбардировочная”, опубликованные в 2000-х годах, и не доверять им у меня тоже нет оснований. Голованов возглавлял “Аэрофлот” у нас в Иркутске, а потом создавал Дальнюю авиацию. Он избежал ареста, будучи предупреждён (его должны были снять в Иркутске с самолёта на Москву, но он успел сесть на проходящий поезд, и в Москве его не тронули). Интересно начало его карьеры, если Вы читали – просто напомним.

Предложение о необходимости создания Дальней бомбардировочной авиации в начале войны первыми подали начальники повыше Голованова, он тогда ещё был молод. Но к ним не прислушались – за это их сняли с постов, во всяком случае, одного из них. Тогда этот снятый сказал Голованову: “Пиши докладную Сталину по Дальней авиации. Тебе должны поверить”. Голованов какое-то время мешкал. Тот ему снова: “Пиши”. Голованов, преодолевая страх, написал. И всё получилось. Сталин лично контролировал всю организацию этого рода авиации, и она сыграла огромную роль в разгроме врага. Каждый лётчик имел право, отбомбившись, докладывать лично Сталину по связи, что задание выполнил. Мне стало понятно выражение “сталинские соколы” – они действительно были.

В этих мемуарах меня поразило, как проводились совещания по разработке военных операций, как Сталин своей волей напрягал маршалов на настоящие мозговые атаки. Вот этот бы опыт переняли наши правители при решении жизненно важных проблем! И для меня нет вопроса, быть или не быть портрету Сталина на парадах в День Победы, – разумеется, быть, а портреты маршалов – рядом.

Современному человеку механизм репрессий до конца не понятен. Это потому, что он смотрит на 30-е годы из сегодняшнего дня, а надо смотреть из 20-х, начиная с 17-го, когда была с корнем вырвана русская аристократия, а вскоре появились принудительно-трудовые и концентрационные лагеря. Но чтобы смотреть оттуда, надо быть немножко “белым”, а в России выжили потомки “красных”. Вот почему патриоты не могут договориться по этому вопросу. Я тоже спорила с нашими монархистами. Говорила, что нельзя отбрасывать прошедшие

семьдесят лет, что на российском дворянстве лежит историческая вина, которую впоследствии белая эмиграция вынуждена была признать. Уж эти наши споры! Монархисты возражают с большевистским запалом, не осознавая, что Сталин был последним российским монархом. И меня как-то не воспламеняет довод о том, что Сталин дал бой “пятой колонне”. Прошло не так много лет, и что же? “Пятая колонна” возросла и усилилась, дух предательства проник всюду. И это не её сила – это наша слабость от утрат.

В 4-м томе “Жертв политических репрессий Иркутской области...” на букву “К” (Иркутск, 2001) перечислены имена пострадавших с короткими справками: когда, где были арестованы, по какой статье осуждены, национальность, социальное положение. Всего 3,5 тыс. имён, у всех 58-я статья с несколькими пунктами. Национальный состав разнообразен, но значительно преобладают русские. Листаю: Киселёв Александр Иванович, Киселёв Алексей Илларионович... 5 страниц Киселёвых; неполных 8 – Кузьминых; 8,5 – Козловых; 9 – Константиновых; 19,5 – Кузнецовых... По 6 имён на каждой странице. Социальное положение: большей частью крестьяне, рабочие, разнорабочие; уровень образования: неграмотные, малограмотные, с начальными классами, редко у кого семь-восемь классов. Есть и из числа руководителей, но меньше. Из 118-ти Кузнецовых 51 “подвергнут расстрелу” (указаны место и время, как правило, в Иркутской тюрьме), двое умерли в лагере, 32 получили 10 лет, один – 12, остальные 5–8 лет, 10 человек просидели от 1 м-ца до 1 года, двое высланы на север Братского района без указания срока.

Потому я к Сталину отношусь так: не хочу его судить, хочу понять, что происходило. Пока мне ясно одно: эта фигура не объединительная. Наблюдаю даже на житейском уровне: те, чьи семьи не пострадали, Сталина защищают, у кого пострадали – проклинают. Одни говорят: “Зря не посадят”, – другим обидно это слышать. Соседка по дому, с которой мы иногда перекидываемся словечком, как-то в связи с нынешними безобразиями убеждённо проговорила: “Во времена Сталина правильно всех сажали, так и надо было. Мой отец служил в НКВД, я знаю”. Я не стала с ней спорить, более того, я подумала: наверное, было бы лучше, если бы подавляющая часть общества считала именно так. Надо верить вождям своей страны, а не оплёвывать их. И я даже позлорадствовала, когда при голосовании за “Имя России” Сталин, скорее всего, занял первое место. Получайте, “демократы”! Сталина вспоминают именно из-за сегодняшней разрухи и безвластия. Да и по части жертв есть что предъявить нынешним правителям. И тюрьмы полны, и невинные сидят, а преступники живут припеваючи. Споры о цифрах за 90-е – 2000-е ещё впереди. Просто сегодня легче обвинить самого пострадавшего. Дескать, надо шевелиться, не пьянствовать, не бояться изменить свою жизнь. Опять же: кто приспособился, тот сосчитает по-своему, кто нет, тот – по-своему.

И всё-таки. Имя Сталина сегодня, помимо всего, – символ величайшего напряжения народных сил, которое повторить не захочет никто. Общие потери в людях слишком велики, причём качественные. Сужу по семьям, по выбитым поколениям. Да Вы сами по себе, Станислав Юрьевич, доказательство тому. Скажите, сколько таких, как Вы, найдём по России? Нет, Вы, конечно, один, другого просто быть не может. Но сколько подобных Вам, бесстрашных, упорных, способных одновременно драться на нескольких фронтах, умеющих выразить в слове свои убеждения? Я думаю, таких не много сможем насчитать. А моё поколение, уже послевоенное? Никто не достиг размаха Вашего поколения, успешного родиться между гражданской и репрессиями.

И я не могу согласиться с С. Михеенковым, автором в целом интересного исследования судьбы маршала Конева в романе-биографии “Солдатский маршал”, опубликованном в нескольких номерах “НС” за 2012–2013 годы, когда, называя поколение Конева, Рокоссовского, Жукова особенным, он при этом приходит к странному, на мой взгляд, утверждению: “Конечно, если бы в кровавой смуте двадцатых и тридцатых годов сгнули и они, то армиями и фронтами под Смоленском, Москвой и на Курском выступе командовали бы другие полководцы. И кто-нибудь другой не хуже Рокоссовского провёл бы Сталинградское сражение. И кто-нибудь другой, а не Жуков, а не Жуков, но с тою же непреклонной волей, граничащей с жестокостью к собственным войскам, отогнал бы немцев от Москвы. И кто-нибудь другой, а не Конев, так же блестяще завершил бы Яско-Кишинёвскую операцию...” Откуда такая уверенность?!

Нужно признать все потери, не отдавая ни одной победы. Имя Сталина нас не усилит и не объединит, даже если очистить его от наветов. Потому что историей со временем становится мифом, и уже сложился миф о жестоком правителе,

создать же новый, с другим знаком невозможно. Видимо, насилие над людьми в первой половине XX века достигло такого критического состояния, когда уточнение цифр понесённых жертв общего восприятия не изменит. Сталин – в той половине и неотделим от неё. Горячая защита может как раз навредить его образу. Найдётся немало желающих в ответ Вам без конца доказывать, какой он злодей, вместо того чтобы во всём спокойно разбираться. Немало хороших людей, не принимающих его имени на дух, от Вас будут отворачиваться, а оппоненты лишней раз взбодрятся (да Вы ещё с такой удалью их поддразниваете и подзуживаете!) и всё будут и будут запугивать народ. Эти качели никогда не остановятся, к радости нынешних бесов. Полемист Вы отменный, но чуть отвлекитесь от противников и посмотрите на союзников. Зачем их раскалывать Сталиным?

Нужны имена, которые объединяют нацию. И они в истории есть. Из числа тех же военачальников, учёных, крупных организаторов производства, деятелей культуры. Пусть они приходят нам на помощь. Если патриоты будут едины, никакой враг не страшен.

P. S. Пока мы с Вами переписывались, у меня подвёлся некий итог нашему разговору. Мне кажется, тему репрессий 30-х годов пора закрыть. Снять с широкого обсуждения, оставить историкам. Не кажется ли Вам, что очередная схватка 90-х годов вернула нас к языку дискуссий тех кровавых лет? Да, не один Сталин виноват, называются имена Р. Эйхе, Н. Хрущёва – да их, наверное, немало можно назвать. Но важнее осознать, что сам язык многотысячных цифр – чудовищный, дикарский язык.

Вернусь к Алексею Ивановичу. Помню, как он ободрился, получив справку о реабилитации. Была и денежная компенсация. По нынешним меркам – крошечная. Он купил тогда зимнее пальто, приёмник “Балтику”... Но дело не в сумме – это было материальное подтверждение отмены несправедливого обвинения. Ко времени пришлась и книга А. Солженицына об Иване Денисовиче. В дальнейшем А. И. в правах не ущемлялся, сам работал честно, своей пенсией по старости в 88 рублей был доволен. О прошлом вспоминал всё реже – русский человек умеет прощать.

Это правильно. Неправильно то, что на сталинском времени начались политические спекуляции. Кому нужны нынешние обличения властей 1930-х годов? Жертвы произвола и их потомки не заинтересованы в этом: им незачем беречь затаенные раны. Обществу навязана ненужная дискуссия вместо того, чтобы думать о настоящем и будущем. Обличителям пора понять, что советскую эпоху не выкрасить одним чёрным цветом хотя бы потому, что социализм строил весь народ, в том числе и те, кто пострадал, но выжил и работал на благо страны.

Однако прислушаемся к Варламу Шаламову, бывшему политзаключённому, автору “Колымских рассказов”:

“Автор “КР” считает лагерь отрицательным опытом для человека – с первого до последнего часа. Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря. Лагерь – отрицательный опыт, отрицательная школа, растление для всех: для начальников и заключённых, конвоиров и зрителей, прохожих и читателей беллетристики...”

Но растление читателей и зрителей как раз продолжается, и если беллетристика подобного содержания не всем попадётся на глаза, то с телеэкрана в каждый дом почти каждый день являются лагерные сцены со смакованием насилия и грязи. Зачем? Следовало бы признать такие зрелища заразой, превышающей санитарные нормы, и как-то обуздать нагнетаемую муть.

Истеричность во взгляде на трагедию 1930-х годов одних, ответная попытка других эту истеричность опровергнуть выливаются в итоге в бесконечную тяжбу о том, что находится за пределами добра и зла. Она, эта тяжба, не прибавит нам силы духа – ее надо черпать из других источников.

С неизменным уважением, сочувствием и надеждой на понимание

Валентина Семёнова

г. Иркутск